

СОЦИАЛЬНАЯ АТРОПОЛОГИЯ

В.Н. Давыдов

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭВЕНКИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ НА СЕВЕРНОМ БАЙКАЛЕ: СОПРОТИВЛЕНИЕ ДОМИНИРУЮЩЕМУ ДИСКУРСУ

На примере полевых и архивных материалов рассматривается проблема сопротивления локального сообщества эвенков Северного Байкала доминирующему управленческому дискурсу государства. Советские репрезентации индигенности рассматриваются как часть дискурсивного механизма управления в национальных районах.

Ключевые слова: *антропология национальной эвенкийской деревни, сопротивление доминирующему дискурсу, коллективизация и советизация, культурная аутентичность, энвайронментальные конфликты, репрезентация индигенности.*

Key words: *Anthropology of the Native Evenki village, state discourses resistance, collectivisation and sovietisation, cultural authenticity, environmental conflicts, representation of indigeneity.*

Социально-антропологическое исследование проводилось при финансировании Байкальского археологического проекта (Baikal Archaeology Project). Автор прожил десять месяцев в деревне Холодное эвенкийское, которая находится на Северном Байкале в семнадцати километрах от районного центра Северобайкальского района Нижнеангарска в Бурятии. Основным методом исследования было включенное наблюдение, предполагающее участие автора в повседневных практиках местного населения. Полевая работа была начата в июле 2007 г. и продолжалась до середины июня 2008 г. Таким образом, были охвачены все сезоны жизни эвенкийского национального села. В ходе исследования собирались нарративы о природе и природопользовании, а также рассказы о различных событиях из истории эвенкийских сел Северобайкальского района. Дополнительный материал собирался в селах Старый Уоян, Байкальское, Кумора, Душкачан, Малый Туртуки. Автор в течение пяти месяцев работал в архивах Санкт-Петербурга, Иркутска и Улан-Удэ.

Сейчас в Северобайкальском районе четыре сельсовета, которые официально носят название эвенкийских: Холодное эвенкийское, Кумора

эвенкийское, Уоян эвенкийское и Байкальское эвенкийское. Большая часть эвенков района проживает в селах Холодное и Уоян, а также в районном центре Нижнеангарске.

Село Холодное (эвенк. Няндаракан) было образовано в начале 1930-х годов как центр нового эвенкийского колхоза «Вторая пятилетка». В 1930-е годы большинство эвенкийских поселков строилось на местах сосредоточения кочующих эвенкийских родов, при этом места для строительства выбирали более удобные для связи с районными центрами: рядом с дорогами и реками (Шубин 1988: 118). Создание поселка Холодное было частью государственного плана перевода «бродячих тунгусов» Северо-Байкальского аймака (района) на оседлость. Коллективизация превратилась в «ключевую доктрину режима и в экзамен на лояльность, политическую благонадежность и профессиональную пригодность» также для всех чиновников, работающих в сельской местности (Слезкин 2008: 229). Результатом коллективизации эвенков в Северо-Байкальском аймаке должно было стать обобществление оленей, которыми владели местные «кулаки». Еще долгое время после начала коллективизации часть оленей продолжала находиться в индивидуальном, личном пользовании колхозников. Скрытое сопротивление коллективизации проявлялось в том, что оленей в колхозном стаде часто «давили волки», они «тонули в озерах» или просто «падали». Тем не менее это крайне редко происходило с оленями, находящимися в личном пользовании. Например, в колхозном стаде в селе Уоян на 1 января 1939 г. должно было быть 389 оленей, а после переучета оказалось только 352 оленя (Красный Байкалец, № 16, 16 февраля 1940 г.).

Многие эвенки не хотели отдавать своих оленей в колхозы и иногда просто отпускали животных по тайге, что рассматривалось как «проявление классово-войсковой борьбы в условиях северного края» (Северный Байкал, № 91, 29 июля 1976). Колхозные олени забивались эвенками в годы Великой Отечественной войны. «В январе 1942 года заведующий интернатом уоянской школы Шестаков обратился к колхознику колхоза “Омокто Иниунди” (“Новая Жизнь”) Саканину Петру со словами: “Давай убьем оленя, вот нам и мясо!” Ночью Саканин поймал оленя и совместно с Шестаковым забил его. В феврале 1942 года колхозницы того же колхоза Доволина, Саканина и Агдыреева, работая на распиловке дров, по совместной договоренности забили колхозного оленя. Третий случай имел место в поселке Делакоры. Бывший кулак Ержин Александр, используя свою племянницу, похитил из колхозного стада оленя и забил его» (Красный Байкалец, № 37, 2 апреля 1942 г.). Виновных пытались привлечь к советскому суду, однако эти меры не помогли. Несанкционированный властями забой оленей продолжался, а председатель колхоза Агдыреева сообщала, что не знает, сколько оленей имелось в колхозе в тот момент. Подобное «незнание» является маркером скрытого сопротивления местного населения. Оленей забивали, и к середине 1944 г. в уоянском колхозе «имени Калинина» остался всего 51 олень (Красный Байкалец, № 26, 29 июня 1944 г.). Заведующим оленеводческой фермой был неграмотный эвенк Алексей Игнатъевич Тулбуконов. Тем не

менее он «с большим трудом» пытался вести учет оленей «ставя одному ему понятные значки» (Там же).

Правление колхоза находило вполне «обоснованные» с точки зрения советского аппарата управления способы получить оленей из коллективного стада в личное пользование. Например, в начале 1941 г. оленеводы Бурят-Монгольской АССР могли быть премированы за перевыполнение плана по выращиванию оленят до шестимесячного возраста. За каждого выращенного сверх плана теленка оленя колхозник премировался 10 кг мяса (из расчета в живом весе). А бригадир оленеводческой бригады или заведующий фермой, в свою очередь, получал 3 кг мяса (в живом весе) за каждого выращенного сверх плана олененка (Красный Байкалец, № 39, 6 апреля 1941 г.). Нормы занижались, а «перевыполнившие» их оленеводы получали премию «в живом весе».

Похожая ситуация с коллективным оленеводством была и в селе Холодное. Если в 1940 г. в колхозе было 387 оленей, то к началу 1941 г. осталось 280 (Красный Байкалец, № 5, 11 января 1941 г.). Оленей из колхозного стада забивали на мясо, иногда по шесть голов в день. В качестве основной причины уменьшения стада колхозники называли «нападение хищников». В то же время некоторые колхозники продолжали владеть оленями в индивидуальном пользовании. Автор статьи о проблемах колхоза «Вторая Пятилетка», подписавшийся Лорунчэ, делает вывод о том, что «...нужно уничтожить хищников, нападающих на оленей, а также бороться против убоя оленей колхозниками» (Там же). В 1956 г., когда холоднинское оленьё стадо находилось в вершине Нюрундукана, В. Доколев указывает на те же проблемы: «На оленеферме этого колхоза под один акт списывается по 2–5 оленей без достаточно обоснованных документов. <...> Так, например, актом № 8 от 1 июля 1956 г. списано два оленя как пропавшие без вести. А оленеводы признают, что эти олени затравлены волками. Актом № 9 от 5 июля списано пять взрослых оленей. Актами № 11 и 16 списано еще семь оленей. И все они, по утверждению оленеводов, погибли от волков» (Красный Байкалец, № 73, 17 августа 1956 г.). поголовье оленей постоянно росло, в 1960 г. оленей было более 1000 голов. Однако к началу строительства БАМа потери оленей сильно возросли. Если в 1970 г. потеряли 91 оленя, в 1974 г. — 193, а в 1975 г. уже 346 оленей. А директор совхоза при этом занижал цифру до 200 оленей и коротко пояснял: «Виноваты хищники» (Северный Байкал, № 91, 29 июля 1976 г.).

Таким образом, «хищники» стали той категорией, на которую всегда можно было списать забитых или брошенных в тайге животных. Бывали случаи, когда каюры, выполнив задание, доставив груз до места, бросали оленей на месте, возвращались в колхоз без них, будто бы «сами дойдут». Если до революции эвенки обязаны были сдавать государству ясачную подать в виде пушнины, то в советское время она фактически была заменена колхозными работами, а «ясак» на «нужды страны» отдавали пушниной, олениной, рыбой и нерпичьими шкурами. Ниже приводятся строки из песни северобайкальских эвенков:

*Горы утесы Уояна,
Что выше туч и туманов,
Ответят, расскажут они
Про мрачные годы и дни.
Утесы крутые видали,
Как эвенки ясак отдавали
Жадным прожорливым баям
Неслись без устали в горы
Ангарска холодные воды
Море слез они унесли*

От таежной эвенков земли... (Красный Байкалец, № 39, 6 июля 1943 г.)

Частью «колониального» проекта было привлечение к работе с кадрами и к политической агитации специалистов из числа местного населения. В Ленинграде работал Институт народов Севера, который поставлял новоиспеченных работников культуры. Здесь должен был формироваться «золотой фонд эвенкийского народа». Целью ленинско-сталинской политики был «рост национальных кадров, способных двигать вперед экономику и культуру». Этот приоритет определил сам И.В. Сталин: «Из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры» (Красный Байкалец, № 27–28, 4 июля 1948 г.).

Впервые в районе политическая работа среди эвенков началась еще до создания села Холодное. Она проводилась в местечке под названием Килгэл, расположенном на вершине реки Тья. Советские и партийные органы Северо-Байкальского аймака использовали традицию местных эвенков собираться в этом месте и в период сбора эвенков развертывали там политическую, культурную и просветительскую работу (Доколев 1957). В деревне Холодное в 1930-е годы было создано подобие сельского клуба — красная юрта. Обязанностью заведующего красной юртой было проведение политических бесед с местным населением. Важным элементом работы с населением были стенгазеты и наглядная агитация. Поскольку оленеводческая ферма находилась достаточно далеко от деревни, что в обязанности директора красной юрты входили поездки к ее работникам.

В поселке Уоян, кроме красной юрты была открыта изба-читальня. Однако недовольные ее работой жители поселка написали в редакцию районной газеты жалобу: «Заведующий уоянской избой-читальней Диунеев никакой работы не ведет, а занялся пьянкой. Колхозники-эвенки возмущены...» (Красный Байкалец, № 40, 17 апреля 1939 г.). С холоднинской красной юртой дела обстояли не лучшим образом: «Красная юрта в поселке Холодная не оборудована. Нет ни газет, ни журналов, ни художественной литературы. Нет ни Виктролы (фонограф, выпускавшийся фирмой «Victor». — В.Д.), ни гитары, ни балалайки...» (Красный Байкалец, № 37, 9 апреля 1939 г.). Тем не менее явно перестарались новая заведующая холоднинского детского сада Тарасенко и воспитательница Урончина Т.Я. Стремление казаться лояльными советской власти привело к тому, что стены садика были «украшены лозунгами, плакатами, портретами вождей, организованы уголок Ленина и

Подпись на обороте фотографии: «Заведующий красной юртой Пнев А.М. выехал к оленеводам на отчетный гурт»
(из фондов Музея истории Бурятии имени М.Н. Хангалова, № Н-в-4836-6).

Сталина», а также «уголок сельскохозяйственной выставки» (Красный Байкалец, № 25, 12 марта 1940 г.). После этих «украшений» встречаются только восторженные отклики о детском саде. Эвенкийские дети лицезрели портреты вождей и плакаты с агитацией, а эвенкийский уголок с небольшой юрточкой был добавлен много лет позже. Удачный опыт детского сада был применен впоследствии к помещению красной юрты, которая была «приведена в культурный вид». Стены красной юрты были увешаны лозунгами, картинами, портретами вождей, были созданы уголки Ленина и Сталина, а также уголок Политбюро ЦК ВКП(б). В это же время была украшена портретами вождей и контора колхоза.

Визуальная информация была необходимым элементом политической агитации. В начале 1941 г. в холоднинской красной юрте уже показывали кинофильмы. Одна из первых кинокартин, продемонстрированная в красной юрте, когда ее заведующим был Алексей Рыков, называлась «Крепость в степи». А в 1945 г. кинокартины с помощью передвижной установки показывали рыбакам из Холодной прямо на плесах: «...среди рыбаков на плесе Холодная было оживление. Сюда прибыли рыбаки с плеса Туколокан. Собрались они для того, чтобы посмотреть кинокартину “Зоя Космодемьянская”» (Красный Байкалец, № 43, 26 октября 1945 г.). Подобные визуальные репрезентации были частью дискурсивного механизма, который преследовал цель формирования лояльности представителей коренных народов советской власти, а также содействовал укреплению власти в национальных районах. Заведующий красной юртой села Холодное Николай Шангин в заметке в газете «Корасный Байкалец» № 7 за 12 февраля 1948 г. пишет о

неудовлетворительной работе кинопрокатного пункта в селе: «В 1946 году один раз и еще в конце 1947 года — вот и все наше кинообслуживание».

Советской власти было важно сформировать образ лояльности коренного населения, поэтому в конце 1930-х — начале 1940-х годов в районных газетах публиковались фотографии «героев социалистического производства» из числа коренных народов Севера. В Бурятии такая стратегия предпринималась как в Северобайкальском (газета «Красный Байкалец»), так и в Баунтовском (газета «Красный Баунт») районах. Одни и те же фотографии печатались во многих газетах национальных районов страны. Широко «разрекламированы» были комсомолец, колхозник-оленевода Исаков из Томмотского района Якутской АССР, стахановка ненецкого колхоза, орденосеца Ненеца Вудунаро, специально сфотографированная корреспондентом ТАСС за изучением русского языка, стахановец-охотник из колхоза «Комсомолец» в Комсомольском районе Хабаровского края, депутат Нижне-Халбинского сельсовета комсомолец С.И. Дигор, а также сталинский стипендиат, студент Ленинградского педагогического института народов Севера П.В. Алексеев.

В конце 1930-х годов в Холодной начинается активное празднование Международного женского дня 8-го марта и 7-е ноября. Вот как праздновалось 8 марта в 1940 г.: «...был проведен детский утренник, на котором были выступления детей детсада. Мы, коммунисты и комсомолцы, после детского утренника прошли на улице в противогазах и с винтовками, оглашая воздух патриотическими песнями» (Красный Байкалец, № 29, 26 марта 1940 г.). Шествие эвенков-комсомольцев в противогазах с винтовками, поющих патриотические песни, сильно контрастирует с самой идеей праздника 8 марта и выступлениями детей на утреннике. Колхозники села Холодное пытались соревноваться с жителями соседнего Душкачана, которые «8-го марта ничего провести не смогли» (Там же).

Важным моментом для централизации управления в СССР была попытка всеобщей радиофикации. Однако в Северо-Байкальском аймаке Бурятии этот процесс затянулся надолго. Приемник, который был получен эвенками поселка Томпа, находившегося на Восточном Берегу Байкала, был неисправен, а специалистов, которые могли бы произвести ремонт новой аппаратуры, в районе не было: «В колхозе «Омокто-Иниунди» («Новая Жизнь». — В.Д.), пос. Томпа, имеется радио — это верно, но оно не хочет говорить — это скверно» (Красный Байкалец, № 38, 11 апреля 1939 г. В 1940 г. в клубе в поселке Уоян уже были киноаппарат и радиоприемник, и хотя все работало исправно, заведующий клубом Шангин «никому не доверял своего кабинета и радио слушал один» (Красный Байкалец, № 120, 3 ноября 1940 г.).

В квартиры поселков Холодное и Уоян радиосеть была проведена только в июле 1949 г. Сеть была проведена, но у жителей эвенкийских поселков тогда не было радиоприемников! В Холодной слушать радио можно было только в помещении красной юрты. Радистом тогда работал Степан Саватеев, который окончил специальные подготовительные курсы в Нижнеангарске. Даже при наличии сплошной радиофикации радио в Холодной слушали крайне редко. Первого радиста заключили под стражу, второй, Дитмар

Урончин, был известен как «распущенный молодой человек», «сквернослов, подырь и хулиган». В итоге в июне 1950 г. радиоузел работал только 5-6 дней (Красный Байкалец, № 34, 6 июля 1950 г.).

Нельзя сказать, что эвенки были полностью отстранены от властных полномочий, скорее они стали частью советского аппарата управления. Многие колхозники вступали в комсомол и коммунистическую партию. Из числа эвенков выдвигались кандидаты в депутаты аймачного совета трудящихся, а также в республиканский совет. От села Холодное на эти должности неоднократно баллотировались оленеводы и каюры. Александра Николаевна Ганюгина, Дмитрий Федорович Колмаков, Акулина Николаевна Шангина, Никифор Савельевич Шангин, Мария Петровна Урончина, Гавриил Тихонович Ганюгин, Федор Тимофеевич Ганюгин, Анна Ильинична Ганюгина, Аркадий Петрович Лекарев не раз выдвигались кандидатами в депутаты. День выборов, по словам старожилы Холодной, «всегда проходил как праздник».

В качестве примера можно остановиться на биографии Дмитрия Федоровича Колмакова (по материалам статьи «Достойный сын эвенкийского народа» в газете Красный Байкалец, № 2, 5 января 1947 г.). Дмитрий Федорович родился в 1895 г. в селе Уро, которое было отнесено потом к Баргузинскому аймаку Бурят-Монгольской АССР. Происходит он из семьи эвенка-батрака. Колмаков начинает работать по найму уже с десятилетнего возраста. С четырнадцати лет стал заниматься охотничьим промыслом. После революции с 1919 по 1929 г. работал председателем Томпинского туземного совета Северо-Байкальского аймака, затем был назначен председателем первого эвенкийского колхоза «Омокто Иниунди», созданного в Северобайкальском аймаке. В 1931 г. Дмитрий Федорович вступил в ряды ВКП(б). Далее начинается его продвижение по карьерной лестнице. В 1934 г. Колмаков избирается председателем Нижнеангарского межпоселкового кооператива. Но для работы на управленческих должностях необходимо было образование. В этом же году Колмакова командировали на курсы торговых работников в город Томск. После окончания должности он проработал на прежнем месте три года, а потом был направлен аймкомом ВКП(б) «на укрепление политическо-массовой работы» в поселок Томпа в качестве заведующего избой-читальней и парторга. В 1936 г. Колмаков был избран заместителем председателя аймисполкома, в 1939 г. назначен заведующим аймздравотделом. В марте 1938 г. Колмаков был избран вторым секретарем АК ВКП(б) и бессменно работал в этой должности 7 лет. В марте 1945 г. был избран и работал председателем исполкома аймачного совета депутатов трудящихся. В 1945 г. Колмакова избрали депутатом Верховного Совета БМАССР первого созыва, а также депутатом аймсовета и членом бюро ФК ВКП(б). В 1947 г. на собрании колхоза «Вторая Пятилетка» в Холодном он снова был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета республики. Таким образом, государственная власть находила поддержку в «достоинных сынах эвенкийского народа», посредством которых внедрялись социалистические принципы и установки.

Колхоз «Вторая пятилетка» имел штатных охотников, каюров, оленеводов и рыболовов. На этих должностях работали как мужчины, так и женщины, как молодежь, так и пожилые.

Весной, начиная с 1936 г., промысловики стали выходить на лов ондатры. Ондатра была завезена в Северобайкальский район в 1935 г. по проекту советских охотоведов. Размножилась она крайне быстро, к 1940 г. сильно увеличивается ее добыча. К 1 августа 1939 г. на шкурки было отловлено 60 748 ондатр и 654 живыми для расселения. Из них только в 1939 г. было отловлено 33 381 ондатр и 500 для расселения в Баунтовском и Баргузинском аймаках (Красный Байкалец № 79, 1 августа 1939 г.). В 1940 г. колхозы Северобайкальского аймака получили от ондатровки доход 261 814 рублей (Красный Байкалец, № 108, 2 ноября 1940 г.). А в 1935 г. в водоемы Северобайкальского района были отпущены всего 178 ондатр. Сроки ондатровки устанавливались с 1 марта по 10 мая. Выезжали колхозники и на нерповку. В августе колхозники выходили на покос, заготавливали сено, в сентябре занимались сбором кедровых орехов, ягод и грибов. С 1941 г. в Уояне стали заниматься пушным звероводством. Для этого колхоз приобрел черно-серебристых лисиц.

Среди местного населения в 1930-е годы стало распространяться стахановское движение. То, что сейчас бы было классифицировано как браконьерство, например добыча соболя сверх установленных норм, выдавалось за социалистическое достижение — перевыполнение плана. И здесь местное население ухитрялось «обмануть» власть. «Охотники-передовики» иногда переваливали через Ленский водораздел в Иркутскую область и умудрялись сдавать там пушнину. Естественно, возвращались они в свой колхоз «Вторая Пятилетка» практически ни с чем, что вызывало негодование правления, так

Подпись на обороте фотографии: «Охотница Баунта, колхозница сельхозартели “Путь к коммунизму” Былицова Агафья Михайловна. Она, несмотря на свои 58 лет, не отстает от молодых опытных промысловиков. В феврале она добыла 4-х рысей. Февраль 1962 г.» (из фондов Музея истории Бурятии имени М.Н. Хангалова, № 4738/15).

как грозило невыполнением нормы. Зато в других колхозах «с радостью» принимали пушнину для заполнения отчета о «перевыполнении нормы».

В районе было несколько золотодобывающих приисков. Прииски Александровский и Евдокиевский, которые находились в 15 км друг от друга, а от реки Холодная их отделял Нюрнудуканский перевал, начали разрабатываться с 1867 г. В 1940-е годы также работали прииски Оркаликан, Яксай и Няндони. В советское время к работе в золотодобывающей промышленности привлекались эвенки. Например, в газете «Красный Байкалец» в № 14 за 11 февраля 1939 г. в сообщении «О приисках Александровский и Евдокиевский» написано, что «...горняки-приискатели развернули соревнование между бригадами. Бригада эвенков, работающая на проходке передового штрека, взяла обязательство сдавать уходки на стену не 50 см нормы, а 60 см и к 1-му мая повысить квалификацию каждого члена бригады до самостоятельного забойщика. Одновременно горняки обязуются ликвидировать у себя неграмотность и малограмотность к 1-му мая сего года». Однако некоторые из них так обещание и не сдержали. В селе Кумора проживает пожилая эвенкийка Черных Татьяна Кононовна, которая по сей день остается неграмотной. Она долгое время работала на прииске Яксай, где в 1940 г. трудились 100 человек, 30 из которых были неграмотными. Она до сих пор употребляет термин, характерный для документов 1920-х годов, применяемый по отношению к коренным жителям Северобайкальского района, — туземцы. Частым явлением на приисках были пьянки, а вместо политической пропаганды распевались «блатные» песни. На Яксае пользовалась популярностью широко известная «Мурка».

«Поэтика зоны» влияет на самопрезентацию современной эвенкийской молодежи. В Холодной молодежь слушает в основном песни русского шансона. Параллельно с советизацией и проникновением советского режима в самые отдаленные уголки России (Ssorin-Chaikov 2003) происходило формирование антиструктуры. До сих пор в деревне помнят человека по прозвищу Бох (Божок), наводившего ужас на холодненскую молодежь в 1950-1960-е годы. Саня Бох, или Александр Афанасьевич Урончин, по словам информанта из Холодной, «довольно выдающаяся личность в криминальном смысле и сидел за убийство, возможно, не раз». Стоило ему только показаться на улице, как ребятишки разбегались по сторонам. В январе 1956 г. этот легендарный человек «учинил дебош в красной юрте». Кроме того, Саня Бох «...занимался вымогательством у колхозников денег на водку. И с этой целью он врвался в квартиры жителей села в ночное время» (Красный Байкалец, № 11, 5 февраля 1956 г.). Народный суд Северо-Байкальского аймака в тот раз осудил Урончина к трем годам исправительных трудовых работ и к дополнительной мере наказания — высылке в отдаленные районы на три года.

Вообще, прозвище есть у каждого жителя эвенкийской деревни. Не иметь прозвища, или «погоняла», означает не участвовать в социальных практиках деревни. Прозвище представляет собой стратегию контроля участника диалога над упоминаемыми в разговоре личностями. Погоняло может передаваться по наследству, от родителей к детям, может быть коллективным, применяться ко всем членам семьи, например «Кочегары». Часто погоняло

является производным от фамилии, например Ганюгин трансформируется в «Ганя» или «Ганджубас», Цивилев в «Цивильный», Ермилов в «Ермил», Шишмарев в «Шишмондя». Из-за ухаживаний или разговора с девушками молодой человек может унаследовать прозвище, производное от фамилии девушки или даже от имени ее родственников. Например, молодой человек, унаследовавший от отца прозвище «Мотик» или «Мотофей» (производное от слова «мотоцикл»), после общения с девушкой от фамилии Нагаева на дискотеке в сельском клубе стал называться друзьями «Нагаев», «Нага», «Нагиев», «Граф нагиевский», «Гайка». Впоследствии его погоняло трансформировалось в «Болтик», а из-за имени и должности, которую занимал отец девушки — «Сергей Артемович» и «Председатель». Через некоторое время от другой девушки по фамилии Малофеева молодой человек получил прозвище «Малофей», «Мегафон», а после разговора с Хворостовой его называли «Мегафон тариф Хворост». Есть погоняла, производные от эвенкийских слов, например «Баркан», что означает «молодец», «Чимче» — «медлительный», «Чакон» — «одноглазый».

Автор статьи получил несколько прозвищ, самыми частыми были «Турист», «Турик», «Студент». Менее часто употреблялись «Огненная Борода», «Волосяной» (чтобы отличать от уже употребляющегося по отношению к другому человеку, также носившему длинные волосы, погоняла «Волосатый») и «Вист» (от рекламной надписи на полиэтиленовом пакете, которым автор попытался заклеить разбитое стекло в окне дома).

Современной молодежи села Холодное хорошо известны такие термины воровского жаргона, как «общак», «подогрев зоны» (сбор денежных средств «для помощи» заключенным), «жизнь по понятиям», которые стали маркерами антиструктуры и трансляторами «поэтики зоны». Как это ни странно, мечтой некоторых молодых информантов было не продолжение обучения и устройство на хорошую работу, а «сделать ходку» (попасть на короткий срок в места лишения свободы). По их мнению, это необходимо, чтобы «быть уважаемым человеком», «настоящим мужиком». Оригинальные термины для шахмат, игры, «где все как в жизни», предложил Матвей Арпиульев. Короля он назвал «паханом», ферзя — «молодкой», коня — «сохатым», офицера — «фраером», ладью — «туз», а пешку — «пряником». Причем пешка делает не первый ход, а «ходку». «Пряник», по его словам, это человек, который в первый раз «сделал ходку», т.е. первый раз отбывает наказание в местах лишения свободы. Ну а доска в этих «воровских шахматах» получила название «периметра» — зоны. Здесь невольно вспоминается строка из широко известной песни «Там по периметру горят фонари...».

В 1930-е годы в районе началась активная пропаганда спорта. В Нижнеангарске устраивались районные соревнования по лыжам. Кроме того, лыжи до строительства БАМа и хороших дорог использовались агитаторами как средство передвижения. Например, в 1930-е годы проводились пробежки агитаторов из Нижнеангарска в Душкочан, где они устраивали показательные концертные программы, ставили небольшие спектакли и пропагандиро-

вали. Сейчас лыжный спорт снова начинает пользоваться популярностью. Весной 2008 г. был осуществлен лыжный пробег на 45 км по льду Байкала Северобайкальск–Хакусы. От Холодной в забеге участвовал только один человек — учитель труда и черчения Олег Викторович Ганюгин. В 1930–1940 годы осуществлялись пробеги и на более длинные расстояния, например Нижнеангарск–Улан-Удэ. В селе Кумора директором школы работает мастер спорта Александр Николаевич Чирков, эвенк, который активно привлекает молодежь к лыжному спорту. Таким образом, с помощью постоянной работы со школьниками в селе были созданы альтернативные модусы самореализации молодежи.

Значимым элементом для утверждения нового советского строя была борьба с шаманами. По воспоминаниям пожилых холодинцев, «последнего шамана посадили в начале 30-х годов». Б.А. Куфтин, Я.Я. Рогинский и М.Г. Левин во время Тунгусской экспедиции Антропологического института и Московского государственного музея народоведения на Северный Байкал в 1927 г. наблюдали камлания двух шаманов — Алексея Аеульева и Аннушки (Брюхатой Старухи) (МАЭ РАН, ф. 12, оп. 1, №№ 38, 39, 40, 51, 52). В селе до сих пор вспоминают шамана Иннокентия Букидаева. Тем не менее даже в 1950-е годы в селе Кумора продолжали свои практики знахари. В то время в Куморе знахарством занималась Ткачева. Она пыталась лечить людей от туберкулеза, испугов, зубной боли и желудочных заболеваний. Причем работники сельсовета, милиция и сельский врач не вели борьбу со знахарством (Красный Байкалец, № 28, 25 мая 1950 г.). Сейчас в Куморе также есть знахари.

Необходимость для государства получить доступ к природным ресурсам Северного Байкала осознавалась еще до революции. В XIX в. на территории современного Северобайкальского района добывали золото, слюду и медь. Но только в середине 1970-х годов в районе началось строительство железнодорожной магистрали, повлекшее крупный приток населения в регион. Дорогу от Душкачана до села Верхняя Заимка, а также мост через реку Холодная построили в 1951 г. Тогда в первый раз в Холодной на время строительства моста и дороги прибавилось несколько десятков человек. Вторым этапом было строительство аймачного тракта от Нижнеангарска до Куморы.

Появление новых переселенцев обычно сопровождается появлением «страшных историй» или «энвайронментальных страшилок», представляющих противостояние (resistance) локального и колониального дискурсов. В моменты появления «пришлого» населения в местном фольклоре происходит актуализация табу, «священных мест». То есть места, значимые для идентичности и социальной памяти местного населения, получают нарративное определение. В основе сюжета подобных страшных историй лежит нарушение «традиционного запрета» новыми переселенцами, а также теми, кто им помогает и приводит к непредсказуемым последствиям. Например, несчастья могут преследовать того, кто взял монеты с бурхана. Рассказывают историю о человеке, который собирал монеты со священного места, пос-

ле чего его укусил энцефалитный клещ. Затем этого мужчину парализовало, и он пролежал несколько лет, не вставая с кровати, пока не умер в 2007 г. Причину его смерти старожилы видели как раз в нарушении традиционного запрета. С подобными энвайронментальными страшилками автор сталкивался не только на Северном Байкале, но и в национальных селах Хабаровского края, расположенных вдоль БАМа, во время летних экспедиций в 2002 и 2004 гг. (Давыдов 2004: 121–128). В деревне Холодная распространен термин «бамовцы», который используется в негативном контексте. По словам информанта-эвенка, «... они природу видят из кабины “Магирусов” — вот и вся их Бамовская романтика». Атрибут бамовцев — белые «Нивы».

Тем не менее первые масштабные миграции в районе были вызваны не строительством БАМа, а Комплексной геологической экспедицией, которая проводилась на Севере Республики Бурятия в 1950–1960-е годы. Систематические геологические изыскания на Северном Прибайкалье начались в 1956 г. Так в районе появились поселки Чая, Перевал, Озерный, Центральный. Поселок Чая был построен в 1962 г. В это время частью Северо-Байкальских живописных пейзажей стали буровые вышки.

Поселок Перевал, расположенный на реке Тья, стал строиться позже, в 1970 г. К этому времени был закрыт поселок Чая, в котором к этому времени была создана вся инфраструктура: магазин, детский сад, начальная школа, клуб и оборудована взлетная полоса. Шесть жилых домов из поселка Чая перевезли в Перевал. В этих местах располагались лучшие олени пастбища, здесь проводили отел оленей. В начале 1970-х годов эта местность выглядела так: «То и дело слышатся мирные взрывы на горных выработках, круглосуточно работают буровые станки ...» (Северный Байкал, № 51–52, 1 мая 1970 г.). Геологический поселок Перевал работал до 1992 г., когда его закрыли, по словам информантов, «из-за экологических соображений».

Буровая вышка (из личного фотоархива А.Г. Малафеева, работавшего на буровых установках)

Местное население отзывается о геологах с большим уважением, нежели о «бамовцах». Приход геологов на долгие годы обеспечил местных колхозников работой. В это время на первые полосы районных и республиканских газет выходят многочисленные статьи о каюрах. На экранах кинотеатров появляются фильмы «Дерсу-Узала» и «Злой дух Ямбуя», показывающие людей этой нелегкой профессии. Именно каюры помогали геологам перевозить большую часть оборудования в труднодоступные таежные районы.

Работали каюрами и женщины, и мужчины. В Холодной автор опрашивал пенсионеров, бывших каюров Аркадия Лекарева, Прасковью Платонову, Виктора Цивилева. До сих пор в памяти сельчан остались имена таких каюров, как Татьяна Ивановна Шангина, Татьяна Матвеевна Арпиульева, Варвара Петровна Шангина, Николай Иванович Тулбуконов. Существенную часть доходов национальных колхозов района обеспечивали именно грузоперевозки на оленях. Необходимость грузоперевозок требовала увеличения оленьего стада. В это время развитие оленеводства было стратегически необходимым. В Холодной в 1955 г. насчитывалось 297 оленей, было принято решение увеличить количество оленей в четыре раза и довести до 1200 голов к 1960 г. Оленеводам было поручено обучать оленей езде в упряжках и перевозке грузов выюками. Большое внимание стало уделяться отелу оленей. В районной газете за 1950–1960-е годы в апреле-мае постоянно печатаются сообщения об оленьей ферме: о подготовке к отелу важенков, о начале отела, его итогах, перегоне оленей на новые пастбища.

Вообще районные рубрики газет эпохи Хрущева напоминают «мыльную оперу», сериал. Например, в 1955 г. «Красный Байкалец» публикует множество статей про кукурузу. Начинается все с описания зерна, подготовки к посеву. Потом — посев, уход за кукурузой, сбор урожая, хранение кукурузы. Причем в эвенкийском колхозе в селе Уоян ее все-таки посеяли и добились высокого урожая, сделав выводы о том, что необходимо увеличить посевную площадь еще на один гектар. Таким образом, просматривая страницы районной газеты, можно проследить весь годовой цикл развития этой сельскохозяйственной культуры. Похожий «сериал» печатается и про холоднинскую оленью ферму, которая находилась в постоянной миграции. Оленеводы использовали зимние и летние пастбища, ими выбирались подходящие места для отела. Оленьи пастбища колхоза «Вторая пятилетка» размещались в местностях Килгэл, Нюрундукан, Гасан-Дакит, в Чайской долине на берегу реки Номамы и в верховьях реки Андока. В связи с развитием оленеводства в колхозе «Вторая пятилетка» решили организовать «бригаду мастеров национального эвенкийского шитья», которые бы занимались шитьем одежды, шапок, унтов и меховых изделий. Заведующим оленеводческой фермой работал Аркадий Петрович Лекарев, затем его сменил Семен Иннокентьевич Платонов.

В момент появления в районе строителей БАМа уже не было такой необходимости в каюрах. В районе резко увеличивается браконьерство. Потери оленей не сопоставимы с другими годами. В эти годы практически исчезают публикации в районной газете о событиях в Холодной. Газета «Северный Байкал» печатает в 1976 г. по 1985 г. в основном бамовские новости — на

первых полосах фотографии «героев-строителей БАМа» в касках. Таким образом, бамовский дискурс стал лидирующим в районе. С этого времени активно празднуется бурятский праздник «сурхарбан», что становится районной традицией.

Скептически смотрит современная эвенкийская молодежь на попытку «воссоздать традиционную культуру» в рамках «Праздника народов Севера», который обычно проводится весной. После пятилетнего перерыва праздник состоялся в 2006 г., затем было принято решение проводить его раз в два года. Особенно активно он праздновался в 1970-е годы, когда на нем проводились даже гонки на оленьих упряжках по льду Байкала. В 2008 г. на празднике было только три оленя, которых привез Алексей Алексеевич Ганюгин — глава эвенкийской общины «Орон». Непременным атрибутом праздника стала установка нескольких юрт и их украшение изделиями в «эвенкийском стиле». Попытки создать праздник эвенкийского населения в районе были еще в 1940-е годы. Например, 15–16 июля 1948 г. в Северо-Байкальском аймаке впервые был проведен праздник эвенкийской молодежи. В Холодной была празднично оформлена красная юрта, выпущена стенгазета, в которой был отражен рост эвенкийского населения за годы советской власти, проводились спортивные соревнования.

Не всем нравится попытка «укоренить» население и представить в виде иконографических эвенков на фоне традиционного жилища. В канун празднования происходила заготовка жердей для юрт, на которую попытались привлечь местную молодежь. Многие ребята воодушевились, хотя были и такие, которые пытались игнорировать это социальное событие: «Че, я лох какой-то палки для юрты собирать? Я с ними, конечно, посидел в кабине машины, поговорили, там выпили, то да се, но пусть сами заготовливают. Думают, водки тунгусу налей, и он все сделает!» Алексия Блок, проводившая исследование в Туре, приходит к выводу, что в то время как эвенкийские интеллектуалы хотели консолидировать эвенкийскую идентичность посредством гомонегизирующей парадигмы, молодые эвенки отдавали предпочтение гибридным формам экспрессии идентичности (Bloch 2002: 174).

Традицию не следует рассматривать как неизменную и статичную категорию. Например, «традиционным» для современных сел Холодное и Уоян стал феномен собакоедения. В XVII в. собака имела для ангарских тунгусов транспортное значение (Василевич 1969: 88). По Г.М. Василевич, эвенки никогда не ели ни мяса волка, ни мясо собаки (1969: 123). Тем не менее собачье мясо стало для некоторых современных эвенков постоянным продуктом в пищевом рационе (Давыдов, Симонова 2008).

В районе транслируется легенда о шамане, который привел эвенков на Северный Байкал. У него было три сына: Киндигир, Чильчагир и Шамагир. По легенде от этих трех братьев образовалось три рода эвенков, которые и населяют теперь Северобайкальский район. Если обратиться к историческим источникам, то можно обнаружить существование других родов. Разделение на три рода представляет собой прагматику царской политики. Для удобства сбора ясака и управления «инородцами» на Северном Байкале были созданы ино-

родческие управы: киндигирская, чильчагирская и подлеморо-шемагирская. Классификации населения и разделение на группы с помощью этнографических данных стали частью властного дискурса государства (Anderson 2000).

Подобные классификации создавали советские этнографы. Среди исследователей коренных народов распространен термин чум, который применялся для описания эвенкийского переносного жилища конусовидной формы. Этот же термин употребляет эвенкийская интеллигенция, получившая образование в РГПУ им. А.И. Герцена. По словам некоторых информантов-педагогов, термин чум употребляется для того, чтобы отличить эвенкийское жилище от бурятской юрты. То же самое касается термина «голомо», который хорошо известен этнографам, но никто из старожилов его не вспомнил. Старожилы называли слово «аран» и «юрта», а слово «чум» у них вызывало негативные ассоциации со словами «чумной», «чумовой».

Похожая ситуация на Северном Байкале и с самоназванием. Среди старожилов деревни Холодная распространено самоназвание «эвонки». Самый пожилой мужчина села Аркадий Петрович Лекарев, много лет проработавший оленеводом, охотником и каюром, заметил: «Я-то знаю, что я эвонки, то есть я человек. А как меня ни назови — тунгус или эвенок, я-то знаю, что я человек». Молодежь редко использует этноним «эвенки» и чаще всего называет себя «тунгусы».

Аркадий Петрович Лекарев (род. в 1932 г.) на оленеводческой ферме колхоза «Вторая Пятилетка» (из личного фотоархива Л.А. Малафеевой).

Аркадий Петрович Лекарев, деревня Холодная, 2008 г. (фото автора).

Таким образом, происходило «навязывание» различных этнографически обоснованных категорий местному эвенкийскому населению. Но появление новых этнографических терминов, названий родов и групп не всегда связано с деятельностью исследователей. Иллюстрацией «изобретения традиции» (Hobsbawm 1983) может служить появление «нового» Удыгирского эвенкийского рода в Нижнеангарске. Его представительница сказала, что «нижнеангарские эвенки хотели как-то обособиться, назвали род по фамилии Удыгир, которую носил их общий родственник». В то же время представители «консервативной» национальной интеллигенции заявили, усомнившись в культурной аутентичности «нового рода»: «Мы эту женщину знаем, она в Душкачане родилась, значит киндигирка. Все время три рода было, а тут откуда-то удыгирский взяли!» Между тем на Празднике народов Севера, который проводился весной 2008 г., была представлена «юрта удыгирского рода» с «эвенкийской атрибутикой» — меховые изделия, кумаланы (небольшие коврики, сшитые из кусочков меха).

В 2005–2008 гг. деревня Холодное оказалась в эпицентре энвайронментального конфликта. Столкнулись интересы государства, местного населения, администрации, добывающих компаний и экологических движений. В 2005 г. средства массовой информации активно освещали план строительства нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий Океан». Нефтепровод планировалось провести в непосредственной близости от села Холодное эвенкийское. Исследование проблемы строительства нефтепровода вблизи Байкала проводилось Анной Сириной и Гейл Фонда́л (Сирина, Фонда́л 2006).

Следующим этапом конфликта стал проект открытия холоднинского месторождения полиметаллов. В качестве бонуса, по заявлениям проектировщиков, в районе, где так актуальна проблема безработицы, планируется создать новые рабочие места. Тем не менее здесь произошла «подмена понятий». Действительно, рабочие места необходимы, по данным сельской администрации, в селе Холодное официальный уровень безработицы среди трудоспособного населения составлял в 2007 г. 53 %. Однако это не означает, что неработающее население Холодной хотело бы работать «в сфере промышленного производства», если бы были другие альтернативы.

В районе сейчас существует два оленеводческих хозяйства «Улуки» («Белка») и «Орон» («Олень»). Весной 2008 г. в общине «Улуки» было около 700 оленей, в «Орон» только 27 оленей. По воспоминаниям пенсионера 67 лет, бывшего каюра Виктора Цивилева, в «колхозе было две тысячи оленей, а сам колхоз миллионером был!» Но сегодня в отличие от «колхоза миллионера» эти общины не способны предоставить альтернативных рабочих мест, чтобы трудоустроить неработающее население.

Районная администрация возлагает большие надежды на развитие этнотуризма. Глава района в интервью рассказал о своих планах создать из «неблагополучной» Холодной «образцовую эвенкийскую деревню», которая должна стать местным туристическим объектом. По его словам, возможно даже нанять местных жителей, которые будут надевать национальную одежду как униформу, выходя на работу. Для привлечения туристов хотят построить не-

Появление юрты «удыгирского рода» вызвало недоумение многих участников Праздника народов Севера, проводившегося весной 2008 г. на стадионе в Нижнеангарске (фото автора).

сомольцев в противогазах после детского утренника на 8 марта являлись «выражением» этой лояльности и соответствовали форме, а содержанием было «скрытое» сопротивление населения колонизации.

Литература

Василевич Г.М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969.

Давыдов В.Н. Этнокультурная аутентичность в крупном российском городе: Стратегии самопрезентации (на примере молодежи из числа малочисленных народов Севера в Санкт-Петербурге) // Проблемы сибирской ментальности / Под общ. ред. А. О. Бороноева. СПб., 2004. С. 101–129.

Давыдов В.Н., Симонова В.В. Собачье сердце: антропология собакоедения в постсоветской эвенкийской деревне // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Иркутский государственный технический университет, 2008. С. 213–230.

Сирин А.А., Фондад Г.А. Эвенки Северного Прибайкалья и проект строительства нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий Океан» // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 2006. № 186.

сколько юрт прямо в поселке. Своего рода музей под открытым небом. Планируется также наладить производство эвенкийских сувениров. В Нижнеангарске уже работает филиал кооператива В. Тронина «Чильчагир», где продаются унты, меховые изделия, сувениры, изготовленные мастерами села Старый Уоян.

На Северном Байкале культурная аутентичность выступает скорее современной политической стратегией, которая адаптирована представителями национальной интеллигенции, а также районной администрации, нежели формой самопрезентации местных жителей. Советские репрезентации индигенности стали частью дискурсивного механизма управления, они были призваны укрепить власть в национальных районах. Это был механизм непрямого подчинения — представители коренных народов должны были встраиваться в управленческую систему, создавая лояльность коренного населения существующему политическому режиму. Социальные события наподобие шествия эвенкийских ком-

Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Авторизированный пер. с англ. О. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Шубин А.С. Современный быт эвенков // Хозяйство, культура и быт эвенков Бурятии / Отв. ред. Г.Л. Санжиев, А.А. Атутов. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1988. С. 118–148.

Anderson D. G. Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Bloch A. Red Ties and Residential Schools. Indigenous Siberians in a Post-Soviet State. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004.

Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition / E. Hobsbawm and T. Ranger (Eds.). Cambridge, England: Cambridge University Press, 1983. P. 1–14.

Ssorin-Chaikov N. The Social Life of the State in Subarctic Siberia. Stanford: Stanford University Press, 2003.

Архивные источники:

Доколев В. Эвенкийский колхоз имени «Вторая пятилетка», рукопись, 1957 / Фонд Музея истории Бурятии имени М.Н. Хангалова, № 8735-1.

Красный Баунт (Витимские Зори): Районная газета, издававшаяся в поселке Багдарин, Баунтовский район, Бурятия, 1932–2008 гг.

Куфтин Б. А. Полевые дневники Тунгусской экспедиции Антропологического института и Московского государственного музея народоведения, Северное Прибайкалье / Архив МАЭ РАН, ф. 12, оп. 1, №№ 38, 39, 40, 51, 52.

Северный Байкал (Красный Байкалец): Районная газета, издававшаяся в Нижнеангарске, Северобайкальский район, Бурятия, 1932–2008 гг.